

Лев Николаевич Толстой

**Письма к В.Г. Черткову.
(1883–1886)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Письма к В.Г. Черткову. (1883–1886) / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 472 с.

ISBN 978-5-4241-0767-2

ISBN 978-5-4241-0767-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Над редактированием и комментированием первых томов писем Толстого к Черткову много работала А. К. Черткова еще в то время, когда она подготавливала для Толстовского Ежегодника 1913 г. выдержки из этих писем, касающиеся участия Толстого в «Посреднике». Но эта работа ее была затруднена тем, что подлинники писем Толстого, как и архив «Посредника», хранились тогда в Англии, письма же Черткова, составлявшие часть архива Толстого, хранившегося С. А. Толстой в Историческом музее, в то время также не были ей доступны. В последние годы своей жизни, получив доступ к письмам Черткова, она проделала большую дополнительную работу по комментированию как этих писем, так и писем Толстого, но перспективы издания Полного собрания сочинений Толстого оставались тогда еще не совсем ясными, и А. К. Черткова имела в виду отдельное издание писем Толстого к Черткову с приложением всех встречных писем Черткова, в комментариях же своих рассчитывала на значительно иной круг читателей, чем тот, для которого предназначено настоящее издание. Выработанная уже после ее смерти инструкция Редакторского Комитета этого издания ставила перед участниками его совершенно новые задачи, а прибытие из Англии архива Черткова значительно увеличивало количество материалов, служивших для составления комментариев. В результате всего этого работу над первыми томами писем Толстого к Черткову пришлось произвести почти заново.

Редактирование настоящего тома было выполнено мной, в части собирания и проверки разных сведений для комментария, при деятельном участии сотрудницы Полного собрания сочинений Толстого О. А. Дашкевич. При составлении комментария, относящегося к В. Г. Черткову, значительную помощь оказали мне своими сообщениями и хранившимися у них материалами М. В. Муратов, А. П. Сергеев, О. К. Толстая и К. С. Шохор-Троцкий. Некоторые сведения, необходимые для уяснения тех или других моментов в жизни Черткова и в отношениях его с Толстым, получены мной от самого В. Г. Черткова.

Любовь Гуревич.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

При воспроизведении текста писем Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» и т. п.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или: [*2 неразобр.*] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки, кроме восклицательных, в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы.

Все письма имеют редакторскую дату, которая ставится перед текстом письма слева. Немногие даты, поставленные самим Л. Н. Толстым, печатаются перед текстом письма справа.

Письма, впервые печатаемые в настоящем издании, или те, из которых печатались лишь отрывки, обозначены звездочкой.

В примечаниях приняты следующие сокращения:

АТ — Архив Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (б. Румянцевский Музей).

АЧ — Архив В. Г. Черткова.

ГТМ — Государственный Толстовский музей (архив Т. А. Кузминской).

СК — «Спелые колосья», сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Толстого Д. Р. Кудрявцевым, изд. Элпидина, Женева, 1895.

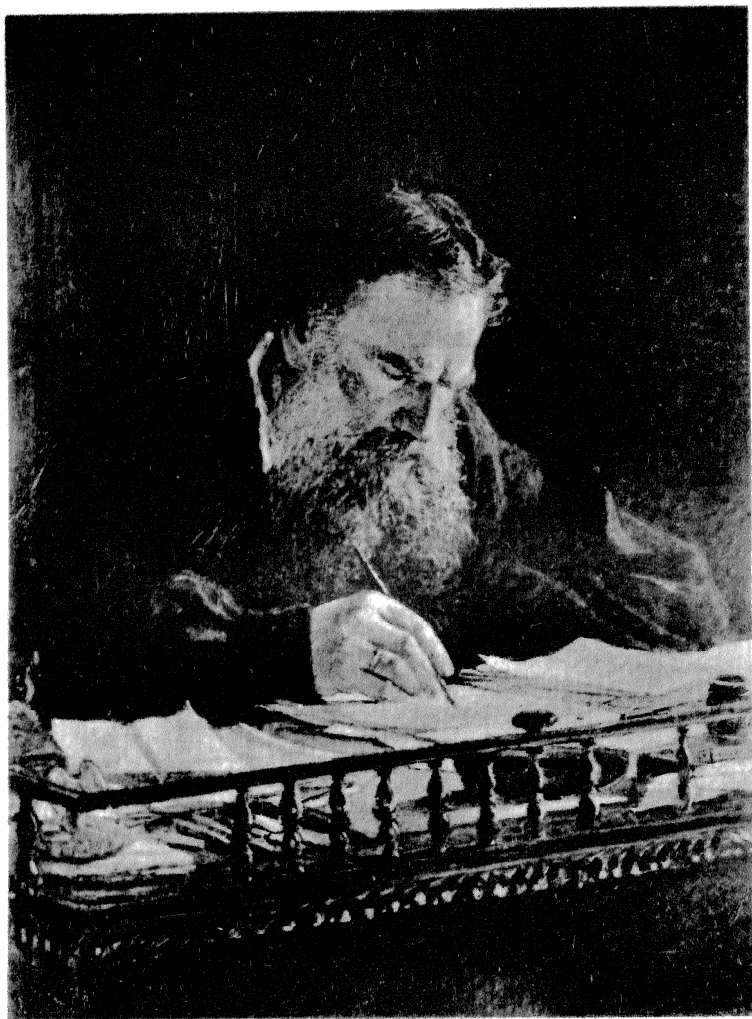
ТП — «Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни». Изд. «Задруга» 1920.

Б, II — П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II, Госизд., М., 1923.

Б, III — То же, т. III, Госизд., М., 1922.

ТЕ 1913 — Толстовский ежегодник 1913 года.

ПИСЬМА К В. Г. ЧЕРТКОВУ
1883—1886

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1884 г.

Работы Н. Н. Ге

1.

1883 г. Декабря 5. Москва

5 Декабря.

Дорогой и милый и ближній мой, Владиміръ Григорьевичъ, получилъ ваши книги и благодарю васъ за нихъ. Я прочелъ и, не осудите меня въ гордости, ничего не нашель въ нихъ. Geike¹ — компиляція, и своего почти нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ скучны такія книги, когда знакомъ съ литературой предмета — читаешь и вспоминаешь знакомое — смотришь на полѣ² и видишь, откуда это знакомое. Ессе homo³ самобытїе, и я еще прочту хорошенько. О воскресеніи мнѣ не нравится. Чѣмъ больше это доказываютъ, тѣмъ больше сомнѣній. Да и доказательства, какъ н[а]п[р]. правдивости свидѣтелей, кот[орыхъ] не было, уже слишкомъ плохи; но главное зачѣмъ доказывать. Я вѣрю, что когда я надѣну подштанники на выворотъ, то будетъ непріятность; и не могу отдѣлаться отъ этой вѣры.⁴ Одно, до чего я достигъ, — это того, чтобы эта вѣра не переходила въ дѣло — не заставляла бы меня сердиться на кого-нибудь и вообще дѣлать что-нибудь нехорошее. Но доказывать истинность этой вѣры я никому не стану и надѣюсь, что ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ трудиться доказывать мнѣ несправедливость этой вѣры. Это мое личное дѣло, которое никому не мѣшаетъ, если я живу по христіански. Но я васъ такъ люблю, что не могу не сказать всю правду. Чтеніе вашихъ книгъ мнѣ было особенно интересно, потому что я, читая ихъ; слѣдилъ за вашей умственной и сердечной работой (отмѣтки карандашомъ мнѣ помогали въ этомъ), и я радъ былъ видѣть, что ваше душевное состояніе подтверждено и уяснено умственной работой. Но ваша рекомендація прочесть о воскресеніи⁵ огорчила меня. Неужели васъ интересуетъ этотъ вопросъ? Я

говору «неужели» потому, что мнѣ кажется, что по мѣрѣ того, какъ мы понимаемъ жизненное, т. е. истинное значеніе ученія Христа, вопросы метафизическіе (о воскресеніи въ томъ числѣ) все дальше и дальше отходятъ отъ насъ. И когда вполнѣ оно ясно, то совсѣмъ устраняется возможность всякаго интереса и потому несогласія въ метафизическихъ вопросахъ. Столько прямого, неотложнаго, ежеминутнаго и такой огромной важности дѣла для ученика Христа, что некогда этимъ заниматься. Какъ хорошій работникъ навѣрно не знаетъ всѣхъ подробностей жизни хозяина; только лѣнивый работникъ чесалъ зубы на кухнѣ и разузнавалъ, сколько дѣтей у хозяина, и что онъ ѣстъ, и какъ одѣвается. И все, разумѣется, перевралъ, но узналъ и работы не сдѣлалъ. Важно то, чтобы признавать его хозяиномъ и знать, чего онъ *отъ меня* требуетъ; а что онъ самъ такое и какъ онъ живетъ, я никогда не узнаю, потому что я ему не пара, я работникъ, а не хозяинъ. ⁶

Прощайте, милый другъ, пишите мнѣ, если вздумаете. Я книгу свою все еще не кончилъ, но кончаю. ⁷ Вамъ оставлю экземпляръ или списокъ. Что дѣлать съ вашими книгами? Concordance ⁸ что за прелесть для умственного комфорта.

Л. Толстой.

Полностью письмо печатается впервые. Отрывок из него, с значительными искажениями, был напечатан в «Спелых колосьях», сборнике мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Толстого Д. Р. Кудрявцевым, изд. Элпидина, Женева, 1895, стр. 113—114. На подлиннике пометка рукой Черткова: № 1. В редакторской дате письма обозначение года основано на том, что письмо это является ответом на письмо Черткова с полной датой: 14 ноября 1883 г.

Владимир Григорьевич Чертков, к которому адресовано это и все последующие письма Толстого, родился 22 октября 1854 г. в Петербурге. Родители его, Григорий Иванович Чертков (1828—1884) и Елизавета Ивановна Черткова, урожденная гр. Чернышева-Кругликова (1832—1922), принадлежали к высшему кругу петербургского аристократического общества, соприкасавшемуся с царским двором. Дворянский род Чертковых, судьбы которого прослеживаются в прошлом начиная с XVII в., числил за собой несколько преданных царской власти деятелей на военном и государственном поприще, из которых один — Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858) — был в то же время археологом, историком и создателем «Чертковской библиотеки», находящейся теперь в Московском Историческом музее. Григорий Иванович Чертков окончил Пажеский корпус и при Николае I был его флигель-адъютантом, а при Александре II генерал-адъютантом, проходя в то же время разные ступени военного ко-

мандования — от командира Преображенского полка до начальника дивизии. Типичный военный того времени по своему кругозору, автор весьма распространенной тогда в войсках «Солдатской памятки», он отличался в то же время редкой в придворных сферах прямой и независимостью характера. Вызванная гангреной ампутация обеих ног прервала в 1870-х гг. его военную карьеру, но и последние десять лет своей жизни он продолжал работать по своей специальности у себя на дому, занимая пост председателя главного Комитета по устройству и образованию войск.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, с которой он был особенно близок, происходила из семьи декабристов; родной дядя ее гр. Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862) был сослан после 14 декабря в Читу; тетка ее Александра Григорьевна, урожд. Чернышева, была замужем за Никитой Михайловичем Муравьевым (1796—1844), который стоял во главе Северного общества, был приговорен к смертной казни, но помилован и сослан на каторжные работы в Сибирь, куда жена последовала за ним. Бабка В. Г. Черткова, Софья Григорьевна, гр. Чернышева-Кругликова, поддерживала отношения с братом и сестрой, и дети ее выросли в атмосфере семейного горя.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, была еще молодой девушкой, когда родители ее умерли. Ее рано начали выводить в свет, где при своей выдающейся красоте она не могла не пользоваться успехом. На первом же придворном балу она была представлена Николаю I, на испытующий вопрос которого о ее сосланном дяде она твердо ответила, что сохранила с ним самые сердечные родственные отношения. Выйдя замуж за Г. И. Черткова, она сохраняла такое видное положение в свете и при дворе, что Александр II, с которым она была хорошо знакома еще в то время, когда он был наследником, будучи уже царем, запросто приезжал к ней и ее мужу без всякой охраны. Однако она не имела никакого тяготения к придворной жизни и когда императрица Мария Александровна предложила назначить ее статс-дамой, она отказалась. Через несколько лет после вступления в брак обязанности матери отвлекли ее от светской жизни: из трех сыновей ее, Григория, Владимира и Михаила, старший и младший постоянно болели, и она подолгу жила с ними за границей, на юге, где в 1866 г. скончался ее младший сын, а четыре года спустя и старший. Но уже после смерти младшего сына светская жизнь стала невозможной для нее. Она находила утешение только в религии и, познакомившись за границей с последователями лорда Редстока, основателя евангелического учения, на всю жизнь сделалась строгой евангелисткой. Во время приезда Редстока в Петербург, она познакомилась с ним мужа своей сестры, В. А. Пашкова, и таким образом содействовала возникновению русской организации евангелистов, так называемых «Пашковцев». Свое время она делила между единственным оставшимся у нее сыном и мужем и занятиями широко поставленной благотворительностью.

В. Г. Чертков вырос в атмосфере религиозных интересов, скованных определенной догматикой, и среди людей, хотя и независимых по характеру, но полностью принимавших строй окружающей их жизни. Образование он получил домашнее, пользуясь уроками серьезных преподавателей. Имея склонность к ораторским выступлениям, он намеревался в

дальнейшем закончить университет и сделаться адвокатом, защитником невинно-пострадавших. Но вследствие тяжелой болезни, явившейся результатом солнечного удара на охоте в воронежских степях, ему были строго запрещены усиленные умственные занятия. Тогда он поступил вольноопределяющимся в конногвардейский полк и вскоре был произведен в офицеры. В течение семи лет он жил той жизнью аристократа-офицера, вспоминая которую тридцать лет спустя, он писал: «Всем трем классическим порокам—вину, картам и женщинам—я предавался без удержу, живя, как в чаду, с редкими промежутками отрезвления». * Но эти промежутки внутреннего отрезвления, о которых он говорит, не проходили для него даром. Он много читал, и особенное влияние оказали на него в эту пору жизни произведения Достоевского, содействовавшие пробуждению умственных запросов и установлению демократического отношения к людям. Он сделал попытку организовать в полковом клубе чтения и собеседования на исторические темы, однако по требованию начальства они вскоре были прекращены. Но особенно много дали ему для расширения его внутреннего кругозора обязательные тогда для младших офицеров гвардейских полков дежурства в военных госпиталях, порядки которых, безобразные по отношению к содержащимся там солдатам и особенно жестокие по отношению к попадавшим туда больным политическим заключенным, толкнули его к открытому протесту и противодействию приказам военного госпитального начальства, что должно было иметь для него серьезные последствия. Дело было замято только в виду положения его отца. Жизнь его продолжала идти по прежнему пути, но моменты внутреннего просветления оставляли все более глубокий след. «Тогда спадали с моих глаз очки условного общественного мнения моей среды, и я видел себя таким, каким был на самом деле... Со всем страстным напряжением пробуждавшегося сознания я обращался к той высшей сущности,... которую я тогда представлял себе еще в виде личного бога», говорит он в той же «Странице воспоминаний». Он обращался тогда к Евангелию и, оставляя в стороне уже смущавшее его чудесное и непонятное, в жизни и учении Иисуса находил поддержку тем сомнениям в правильности существующего общественного строя, которые пробуждались в нем самом. Однако его еще смущал вопрос о приложимости евангельского учения к жизни и, как бы проверяя на других основательность своего преклонения перед ним, он стал читать наиболее простые и понятные места Евангелия больным солдатам. Подсаживаясь к ним на кровать, он вступал с ними в разговоры, которые раскрывали перед ним их жизнь и вместе с тем утверждали его в мысли, что Евангелие так же действует на них, как и на него. «Какая, думал я, непримиримая, казалось бы, противоположность между положением этого умирающего солдата и моим! Он — по рождению кормящий себя и других крестьянин, я — праздный, поедающий чужие труды барченок-аристократ... А между тем оказывается, что общее есть»...

Начавшийся таким образом внутренний процесс привел В. Г. Черткова к убеждению, что христианство в том виде, как он теперь понимал его, несовместимо с той жизнью, которую он вел, как представитель своего

* «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях», Вестн. Евр., 1909, XI и отдельной брошюрой, М., 1914.